

К ЛИТЕРАТУРНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПУШКИНА И С. П. ШЕВЫРЕВА

I

После того, как «Петроград» Шевырева («Московский вестник», 1830, ч. 1, № 1, с. 3—6) был введен М. И. Аронсоном в круг источников «Медного всадника»¹, это стихотворение неоднократно привлекало внимание исследователей². Однако в научной литературе до сих пор недостаточно освещена творческая история «Петрограда», а между тем сохранившийся документальный материал позволяет рассматривать данный текст в более широком, нежели принято, контексте.

Как известно, в 1829 г., перед отъездом в Италию, Шевырев двенадцать дней (с 16 по 28 февраля) пробыл в Петербурге, тесно общаясь с Пушкиным и его литературными единомышленниками³. Здесь, как свидетельствует запись в дневнике Шевырева от 2 марта 1829 г., ему «пришла <...> тема для пиесы: Море спорило с Петром (Основ <ание> Петербурга)»⁴. Через три месяца, 22 июня (по новому стилю)

¹ См.: Аронсон М. К истории «Медного всадника». — В кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, т. I, с. 221—226.

² Из работ последних лет см.: Тойбин И. М. Пушкин: Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976, с. 144 и след.; Боров Ю. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981, с. 196—199; Питолина Н. В. Пушкинский «Современник» и «Московский наблюдатель» (1835—1837). — В кн.: Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1981, с. 51; см. также комментарий Н. В. Измайлова в кн.: Пушкин А. С. Медный всадник. Л., 1978, с. 135.

³ См. письма Шевырева М. П. Погодину от 18 и 25 февраля 1829 г. — Лит. наследство. М., 1934, т. 16/18, с. 702—704. Ср. его «Рассказы о Пушкине». — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 41.

⁴ Цит. по: Аронсон М. К истории «Медного всадника», с. 221.

1829 года, сообщая Погодину о предстоящей поездке на остров Искио, Шевырев суммировал впечатления от первого знакомства с Римом: «Ощущения Римские совершенно противоположны Петербургским: Петербург нов, свеж, молод; Рим стар, валится, пылеет, заплеснел; Пет<ербург> произведет мгновенное блестящее впечатление в первый день, как присидешь в него; Рим охладит весь пыл мечтательности своим суровым и загаженным видом; в Италию искусственную надо всмотреться (не говорю о природной, она всегда свежа), чтобы наслаждаться ею; Венера Медиц <ейская> тебя сначала более пленит в каком-нибудь слепке новом, чистом, ослепительно-белом, нежели в оригинале; но в слепке ты не ею пленишься, а свежестью, белизною мрамора; погладишь рукою. Оригинал же пылен; здесь сквозь льль отгадай тайну красоты. Другими словами, Петербург книга 19-го века в новом свежем переплете, изданная на реленевой бумаге с золотым обрезом, раскрашенная всеми причудами искусства новейшего; Рим ветхий, пыльный пергамент, в котором массивные буквы уже выбились от времени и нечетки для глаз молодых. Потому лучше въезжать в него холодно, без восторгов, без восклицаний; потому Пет<ербург> можно в неделю обозреть, а в Риме мало двух лет для прочтения великолепного манускрипта, исписанного почерками всех веков и всех письмен человеческих». Далее автор сетовал: «Много роится у меня в голове, а присесть все некогда...» И завершает это письмо приписка: «П <ушки> ну *надо* теперь издать Бориса»⁵.

9 августа (по новому стилю) 1829 г. на острове Искио Шевырев написал стихотворение «Петроград». Начиная с 1936 г., оно неоднократно перепечатывалось — в том числе дважды в

⁵ РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 26—26 об. Несколько слов из приведенного выше отрывка («Петербург нов <...> заплеснел») процитировано в монографии И. М. Тойбина, по мнению которого параллель «Петербург—Рим», часто встречающаяся в текстах Шевырева на рубеже 20—30-х гг., «используется», в частности, «для возвеличения русской монархии» (Тойбин И. М. Пушкин: Творчество 1830-х годов, с. 146—147). На наш взгляд, тексты Шевырева 1829 и 1830 гг. не дают основания для такого вывода (ср.: М а н н Ю. В. Русская философская эстетика (1820—1830-е годы). М., 1969, с. 153—154). О давней культурной традиции, которую имела параллель «Петербург—Рим», см.: Л о т м а н Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого: (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко). — В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982, с. 239—248.

составе томов Большой серии «Библиотеки поэта»⁶. В комментариях к этим научным изданиям уже упоминалось примечание, которое в автографе, посланном при письме Погодину от 17 сентября (по новому стилю)⁷, было сделано к строкам [15—16]: «По синееющим устам Пена белая катилась» — «Эти два стиха, милый друг, взяты из природы». В данном автографе есть, однако, и еще одно авторское примечание.

Четвертая строфа «Петрограда» (завершение монолога Петра, обращенного к морю) оканчивается строками [29—32], которые во всех изданиях, воспроизводящих текст «Московского вестника», читаются следующим образом:

И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу.

В автографе же, посланном Погодину, строка [32] читается: «И подъятую державу», и к ней следует примечание: «Хотел я сказать окрепшую, да скажут, украл у П <ушкина>: *окрепла Русь*»⁸. Эти колебания Шевырева отразил и автограф «Петрограда», сохранившийся в его дневнике за 1829 г.; здесь последовательность вариантов интересующей нас строки такова: «И окрепшую державу» — «И восставшую державу» — «И подъятую державу» — «И окрепшую державу»⁹. Нет сомнения, что именно Погодин установил окончательное чтение этой строки, не смутившись реминисценцией из «Полтавы» (песнь первая).

Знакомство Шевырева с «Полтавой» могло произойти еще в декабре 1828 года, когда Пушкин, приехав в Москву, просил Погодина переписать поэму для Николая I; в распоряжении Погодина «Полтава» находилась с 16 декабря 1828 года по 3 января 1829 года, причем известно, что 30 декабря он (без

⁶ См.: Шевырев С. П. Стихотворения. Л., 1939, с. 70—72; 223; Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972, т. 2, с. 176—178; 697—698.

⁷ За текстом стихотворения следовало обращение к адресату: «Вот тебе, милый ленивец, гостинчик в твою Радугу. Мысль зародилась еще в Питере, а исполнилась на Средиземном море» (РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 36 об.).

⁸ РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 36.

⁹ ОР и РК ГПБ, ф. 850, № 14, л. 82 об. В третьем (и более позднем) автографе «Петрограда» также принят вариант: «И окрепшую державу» (ЦГАЛИ, ф. 563, оп. 1, № 4, л. 22 об.).

санкции автора) читал ее в одном из московских домов¹⁰. Шевырев мог прочитать (или услышать) «Полтаву» и в февралю 1829 года в Петербурге (см. выше). Во всяком случае летом 1829 года он держал в руках отдельное издание поэмы (оно появилось 27—28 марта 1829 г.): в недатированном письме Погодину, которое было отправлено уже по возвращении с Искю в Рим, но до посылки «Петрограда», т. е. во второй половине августа — начале сентября 1829 года, Шевырев сообщал: «Скоро тебе пошлю новую пиесу: Петроград для альманаха <...>. А я прочел и Полтаву — и знаешь ли что? — Выжигина»¹¹.

Как представляется, сознательная реминисценция из «Полтавы» в тексте «Петрограда» небезынтересна для понимания генезиса этого произведения. Можно предположить, что замысел Шевырева до известной степени был подсказан «Полтавой», и не случайно поэма Пушкина и стихотворение Шевырева могут быть объединены по логической модели, сформулированной в статье «О ничтожестве литературы русской»: «Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» (XI, 269). Отметим и тот факт, что парафраза пушкинских слов «Окрепла Русь» находится в том же сегменте текста, где впервые возникает мотив «славы»: согласно недавно высказанной точке зрения¹², именно этим мотивом все части поэмы скрепляются в целое.

Известный нам характер литературного общения Пушкина и Шевырева в рассматриваемый период не исключает и гипотезу о том, что «Петроград» был инспирирован автором «Полтавы» во время их бесед. Не так уж редки случаи, когда Пушкин «бескорыстно» или в собственных творческих интересах предлагал определенные темы (или сюжеты) близким ему литераторам. В этой связи обращает на себя внимание трагедия Шевырева «Ромул» (из пяти предполагавшихся действий было написано только два), идея которой обдумывалась с августа 1829 г.¹³, когда и был создан «Петроград». Трудно предпо-

¹⁰ См. записи в Дневнике Погодина. — В кн. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 17—18.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 52—52 об.

¹² См.: А. С. Пушкин: Статьи и материалы. Горький, 1971, с. 25—40 (Ученые записки Горьковского гос. университета, вып. 115).

¹³ См. примеч. М. И. Аронсона в кн.: Шевырев С. П. Стихотворения, с. 228—229.

ложить, чтобы Шевырев — единственный из современников Пушкина, упомянувший о «проекте» его «драмы: Ромул и Рем»¹⁴, не соотносил бы с этим «проектом» (о котором он узнал вскоре по возвращении Пушкина из Михайловского) замысел своей трагедии. Возможно, что Пушкин, рассказав Шевыреву о плане «Ромула и Рема», в той или иной форме предложил собеседнику самому опробовать эту широкую тему; нечто похожее могло иметь место и в ситуации, когда задумав «поэму о наводнении»¹⁵, Пушкин «вызвал» написание «Петрограда».

2

Первая книжка «Московского вестника» за 1830 год содержала раздел «Отрывки из частных писем». В него входило письмо П. В. Киреевского «О Шеллинге» (Мюнхен, 7/19 октября 1829 года) и подборка «О пынешней славе России в чужих краях», в которой были опубликованы выдержки из писем корреспондентов Погодина в Дрездене (ноябрь 1829 года) и Риме (27 октября 1829 года). Как установил В. В. Стратен, авторами этих писем были соответственно Н. М. Рожалин и Шевырев¹⁶. Погодин, однако, напечатал лишь небольшой фрагмент из обширного письма Шевырева; ниже цитируется часть этого письма, включающая текст, опубликованный в «Московском вестнике»¹⁷ (он выделен курсивом).

«Надо бы нам вербовать Петров из высшего класса: у нас нужен Христос или Князь Профессор, т. е. искупитель ученого звания, так как Петр был искупитель России. Так и по всем частям нужны Петры (был Дмитрий в профессоры¹⁸, да не стало его; у меня есть человек, но об этом после¹⁹), надо Кня-

¹⁴ Москвитянин, 1841, ч. V, № 9, с. 245.

¹⁵ Н. В. Измайлов относит возникновение этого замысла ко второй половине 20-х гг. (см.: Пушкин А. С. Медный всадник, с. 253); ср. в рецензии Л. С. Сидякова на это издание: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, вып. 3, с. 272.

¹⁶ См.: Стратен В. В. Н. М. Рожалин, идеалист 20-х годов XIX в. — Ученые записки высшей школы г. Одессы, 1922, т. II, с. 103, примеч. 1. См. также: Дурылин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре. — Лит. наследство. М., 1932, т. 4/6, с. 449, примеч. 59.

¹⁷ «Московский вестник», 1830, ч. I, № 1, с. 117—118

¹⁸ Имется в виду Д. В. Веневитинов, скончавшийся 15 марта 1827 г.

¹⁹ По всей вероятности. Шевырев подразумевает Рожалина. Ср. указанные выше работы В. В. Стратена и С. Н. Дурылина (раздел «Вертер aus der Stadt Moskau»).

зя Подъячего, надо литератора, актера и т. д. Вот путь, которым должна идти Русь по толчку Петра. Наш путь — не путь крови (как французский), а путь труда, терпения, путь Христов. <...>И так, согласно с этим, теперь надо огненным пером написать Историю Петра так, чтобы она врезалась во всех русских от вельможи до сапожника. И это, друг мой, твое дело. Проснись-ка и напиши Евангелие Русское. В ожидании твоей Истории я каждое утро вместо библии буду читать Голикова²⁰. Ты сделаешь это эпически, а я, может быть, после Ромула, вдохновленный тобою, выставлю его на сцену. Пусть это и мечты... Но Петра, Петра надо, пора пустить в ход, и это исполнишь — ты. Помнишь, как ты хотел писать Жизнь Христа, да вот тебе Христос Русский! Принимайся же да брось все свои пустяки журнальные. Тогда к черту Полевые и Булгарины! — И начнется дело Просвещения. — *Состояние России теперь слава Богу: мы под Византией! Бог послал нам царя твердого. Душа его растворена ко благу. Минута его — есть минута художника, совершившего подвиг. Такие минуты бывают зародышем счастья народного, благотворений царских. Пушкину надо бы воспеть наши подвиги: остановиться у ворот Константинополя и вместо меча и огня предложить ему оливу и элей — чудо достойное русских.* — Всякому свое, вот девиз наш. Мы растем не как Римская империя, — это вздор. Мы выросли силами для того, чтобы благородно защищать право слабого. Дух завоеваний никогда не был духом русских: дух терпения — вот наш дух. Россия есть гений держав, по определению Бюффона. *Как любят нас иностранцы! <...>*²¹.

Фразу из этого письма («Наш путь <...> Христов») уже приводили М. И. Аронсон и И. М. Тойбин²², которые справедливо расценили ее как одну из основных историософских формул, выработанных в кружке Погодина — Шевырева; указывалось и то, что очерк этой историософии в 1832 г. представил Погодин. во «Взгляде на русскую историю». Существенно, однако, под-

²⁰ Имеется в виду многотомный труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого...» (1788—1797).

²¹ РО ИРЛИ, ф 26, № 14, л. 58 об. — 59 Далее в письме следуют конкретные примеры, нами опущенные (см.: Московский вестник, 1830, ч. 1, № 1, с. 117—118).

²² См.: Аронсон М. «Конрад Валленрол» и «Полтава». (К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20—30-х годов). — В кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, т. II, с. 48; Тойбин и И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830-х годов. Воронеж, 1980, с. 77.

черкнуть, что данный пассаж Шевырева вполне отражает настроения, которые были характерны для определенной части европейской интеллигенции в период русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Как известно, 12 мая (по новому стилю) 1829 года З. А. Волконская, Шевырев и Рожалин посетили Гете. Наиболее подробно описана эта встреча в ряде писем Рожалина, анализируя которые С. Н. Дурылин заключил, что «русский поход во Фракию» несомненно затрагивался в беседе с Гете²³. Исследователь в этой связи отмечает интерес Гете к Петру Великому, зафиксированный Эккерманом в записи от 12 апреля 1829 года (знаменитое высказывание о гибельном местоположении Петербурга²⁴), а также указывает на его итоговую характеристику русской политики, сделанную уже после заключения (14 сентября по новому стилю) Адрианопольского договора: «То, что русские обуздали себя и не вошли в Константинополь, свидетельствует о величии духа...»²⁵ (запись Эккермана от 6 декабря 1829 года).

Письмо Шевырева написано тоже в мирную пору, но одно конкретное его место («чудо достойное русских») могло соотноситься и с каким-то суждением Гете, высказанным еще в мае: любой разговор о восточной войне должен был коснуться проблемы Константинополя, учитывая то почти сакральное значение, которым наделила этот город русская историческая традиция.

С другой стороны, аналогию с пассажем Шевырева находим в третьей части «Путевых картин» Г. Гейне (ее отдельное издание вышло в конце 1829 года, но отрывки появлялись в журналах в течение этого года). Глава XXX содержит рассуждение о России, до сих пор интригующее ученых: «... Свобода возникла в Англии на почве исторических обстоятельств, в России же — на основе принципов <...> Россия — демократическое государство, я бы назвал ее даже христианским государством, если употреблять это столь часто извращаемое понятие в его лучшем космополитическом значении: ведь рус-

²³ См.: Дурылин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре, с. 441. Сам Шевырев был настолько смущен, что в беседе участия не принимал (см.: Русский архив, 1909, № 8, с. 585—586).

²⁴ См.: Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981, с. 328.

²⁵ См. там же, с. 335 О причинах, по которым Николай I отказался от захвата Константинополя, см.: Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х гг. XIX в. М., 1958, с. 330—331.

ские уже благодаря размерам своей страны свободны от узко-сердечия языческого национализма, они космополиты или, по крайней мере, на одну шестую космополиты, поскольку Россия занимает почти шестую часть всего населенного мира»²⁶. Чуть выше Гейне называет Николая I — «рыцарем, защитившим греческих вдов и сирот от азиатских варваров и заслужившим в этой борьбе свои шпоры»²⁷.

Еще в 1920-е годы Ю. Н. Тынянов и Г. И. Чулков пришли к выводу, что данные строки Гейнс навеяны разговорами с Ф. И. Тютчевым²⁸, и в этой связи небезынтересны упоминания о встречах с ним, которые содержатся в обоих цитированных выше письмах Шевырева (от 22 июня и 27 октября 1829 года)²⁹. От Тютчева, кстати, Шевырев мог узнать и точку зрения Шеллинга, который осенью 1829 года говорил П. В. Киреевскому, что России «суждено великое значение, и никогда еще она не выказывала своего могущества в такой полноте, как теперь...»³⁰ (в этой же беседе Шеллинг очень высоко аттестовал Тютчева).

Если допустить, что в письме от 27 октября 1829 года не только изложено мнение самого Шевырева, но и суммированы высказывания целого ряда лиц (известные ему по личным беседам или в передаче), то и в риторическом обращении к Пушкину³¹ можно усмотреть некое обобщенное пожелание; именно Пушкин, который в конце 20-х годов воспринимался европейским обществом как «знаменитый и вместе с тем единственный поэт в России»³², должен был упоминаться в тех случаях, когда речь заходила о пере, достойном воспеть подвиги и благо-

²⁶ Гейне Г. Собрание сочинений: В 10-ти т. М.; Л., т 4, 1957, с. 226—227.

²⁷ Там же, с. 225.

²⁸ См.: Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне. — В кн.: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 31; Чулков Г. И. Тютчев и Гейне. — Искусство, 1923, № 1, с. 363—364. Тогдашний взгляд Тютчева на Россию выражен в его письме С. Е. Раичу 1828 г., отрывки из которого приведены в ответном «Письме другу за границу» (Галатей, 1829, ч. I, № 1, с. 40—43).

²⁹ Соответствующие выдержки из писем Шевырева публикуются в тютчевском томе «Лит. наследства».

³⁰ Московский вестник, 1830, ч. 1, № 1, с. 115.

³¹ О том, что Пушкин находился в действующей армии, Шевырев знал из письма Погодина от 13 августа 1829 г. (Русский архив, 1882, № 5, с. 98).

³² См.: Глинка С. Англичанин о Пушкине зимою 1829—1830 гг. — Пушкин и его современники, Л., 1927, вып. 31—32, с. 105.

родство русских войск. На родине же «стихотворения Пушкина, прославляющие победы, были поставлены в порядок дня»³³.

Певцом «русской славы», Пушкин, как известно, не стал. Но интерес к историософским построениям своих московских приятелей он сохранил до конца жизни. Совершенно не касаясь здесь этой проблемы, обратим внимание лишь на одну деталь. Латинское выражение «всякому свое», которое Шевырев в данном письме назвал «девизом нашим», именно в этом качестве перешло в его «Историю поэзии»: «Но какая страна <...> младшая из всех, была всех великодушнее и избрала девизом: *всякому свое?*»³⁴. Этой формулой и Пушкин закончил рецензию на книгу Шевырева: «Девиз России: *sum cuique* (XII, 66).

³³ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969, с. 194.

³⁴ История поэзии: Чтения <...> Степана Шевырева. М., 1835, т. 1, с. 35. Соответственно, трактовать эту формулу как сугубо пушкинский вывод (см.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830—1833). Л., 1974, с. 328) у нас нет оснований.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
РИГА 1983